

Issues cognition in modern criminal proceedings

Abstract: The article studies prospects of criminal procedural investigation theory development in general and development of cognition in particular in terms of possible deviations from previously dogmatic assumptions of Marxist-Leninist philosophy.

Basing on informational concept of criminal procedural evidence, the authors study objective laws of obtaining cognitive materials by detectives, investigators, judges and developing corresponding images that reflect facts to be substantiated. Authors consider current achievements in philosophy, psychology, psychophysiology and neuropsychology.

The achieved results let the authors justify two main methods of criminal procedural cognition - verbal and non-verbal and define certain trends in criminal procedural investigation theory development. The trends may become methodological basis for studying nature and aspects of certain types of investigation.

Keywords: criminal procedure cognition; evidence; perception; information theory of evidence; verbal way cognition; non-verbal cognition procedure; reflection evidentiary information

Ни одна проблема уголовно-процессуальной науки и практики, ни один институт уголовно-процессуального права не вызывали такого количества бурных дискуссий, какие традиционно были и остаются присущи вопросам доказывания по уголовному делу. И в этом нет ничего удивительного! Ведь процессуальное доказывание неразрывно связано с познавательной деятельностью суда, органов дознания и предварительного следствия. Как неоднократно отмечали ведущие отечественные ученые-процессуалисты,

♦ **Voskobitova Lidiya A.** - Doctor of Law, Professor, Head of the Criminal Procedure Department of Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Moscow, Russian Federation; e-mail: lavosk@mail.ru.
Rossinskiy Sergey B. - PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Procedure Department of Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Moscow, Russian Federation; e-mail: s.rossinskiy@gmail.com.

доказывание составляет сердцевину уголовного судопроизводства, пронизывает деятельность всех его участников и осуществляется на всем его протяжении [36, с. 4; 46, с. 41].

Поэтому наряду с правовой сущностью оно имеет весьма глубокие философские (гносеологические) корни, которые подчас достаточно сложно облечь в созданную человеческим разумом и, кстати, далеко не всегда безгрешную процессуальную форму. Как справедливо отмечал С.В. Бородин, природа доказательственного права, его сущность обусловлены формой уголовного процесса, присущей той или иной исторической эпохе [30, с. 521], тогда как законы гносеологии существуют сами по себе и не связаны с установленными правилами человеческого общежития. Следовательно, теория уголовно-процессуального доказывания представляет собой совокупность научных положений, уже изначально наполненных целым спектром внутренних противоречий. А в условиях нестабильности существующей в нашем государстве процессуальной формы, достаточно частых, в том числе и кардинальных, реформ и изменений уголовно-процессуального закона обозначенные противоречия приобретают еще более острый характер. Существующие здесь проблемы, считает А.А. Давлетов, исчисляются несколькими десятками. И их количество постоянно возрастает, так как научное исследование различных аспектов уголовно-процессуального познания продолжает расширяться и углубляться [20, с. 13–14].

Причем вплоть до настоящего времени ученые не выработали единой позиции по поводу соотношения познания и доказывания, хотя факт тесной взаимосвязи данных процессуальных категорий уже ни у кого не вызывает сомнений. В литературе по этому поводу существует несколько наиболее базовых позиций. Так, некоторые специалисты отождествляют указанные категории, полагая, что доказывание и есть познание обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (например: [2, с. 10; 53, с. 296; 57, с. 16; и т.д.]). Другие исследователи понимают под доказыванием более узкий правовой инструмент (разновидность познания), характеризующийся, например, наличием строгой процессуальной формы [42, с. 113; 58, с. 6; 28, с. 8; 15, с. 186; и т.д.], возможностью опосредованного восприятия обстоятельств уголовного дела [34, с. 21–22] или направленностью на строго определенный круг обстоятельств [3, с. 86; 22, с. 122–123; и т.д.]. Кстати, примерно такими же подходами к соотношению познания и доказывания характеризуются и другие отрасли процессуальной науки, в частности гражданского процесса (см.: [19, с. 167; 55, с. 33]).

Существует и еще одна достаточно интересная точка зрения, в определенной степени разводящая познание с доказыванием. Ее представители (А.Р. Ратинов [54, с. 288–289], Э.С. Зеликсон [26, с. 12], Р.Г. Домбровский [24, с. 21], А.А. Леви [32, с. 259–260] и некоторые другие) еще в советский период развития уголовно-процессуальной науки отмечали, что доказыванием следует считать процесс формирования и изложения различных доводов и аргументов, позволяющих обосновать правильность своей позиции перед субъектом правоприменения. Наибольшее развитие данная концепция приобрела в связи с переходом отечественного уголовного судопроизводства к состязательным механизмам. Представляется, что сама Конституция РФ определила правовые параметры реформы судебной власти и заложила основы для пересмотра сформировавшихся методологических представлений о судебном познании (подробнее об этом см.: [16, с. 279]).

В этой связи В.А. Лазарева совершенно справедливо отмечает, что сложившиеся в советский период представления о доказывании как о процессе, тождественном познанию, мешают развитию состязательной формы уголовного судопроизводства [31, с. 98]. Развивая позицию о разграничении юридического познания и доказывания в контексте принципа состязательности, Ю.П. Боруленков считает, что при определении сущности этих категорий следует исходить прежде всего из функций субъектов и наличия их специфического интереса. Он говорит о доказывании как о деятельности, обуславливающей функции сторон, в противовес функции суда, выраженной в познании. Таким образом, под доказыванием ученый понимает деятельность по обоснованию сторонами утверждений, которая, по его мнению, должна быть разграничена с процессуальным познанием [11, с. 220–221], т.е. сугубо логические операции, в ходе которых обосновывается истинность определенных суждений¹.

В целом разделяя подобные научные взгляды, предполагающие рассмотрение процессуального познания и доказывания в контексте принципа состязательности, позволим себе не согласиться с доводами Ю.П. Боруленкова о жестком разграничении этих категорий. Представляется, что доказывание нельзя рассматривать исключительно как некий логический процесс, направленный на убеждение сторонами суда в правильности своих позиций. Безусловно, что он имеет и познавательную составляющую. Особо наглядно это прослеживается в досудебном производстве по уголовному делу, где органы расследования для обоснования своей позиции осуществляют полноценное познание всех обстоятельств уголовного дела (ст. 73 УПК РФ)

¹ В формальной логике такой процесс принято называть не доказыванием, а доказательством чего-либо (например: [4, с. 161]).

посредством производства следственных и иных процессуальных действий. Проверая различные версии в период между возбуждением уголовного дела и моментом привлечения лица в качестве обвиняемого, следователь (дознатель) в различных формах осуществляет познание обстоятельств дела, но выводы относительно обвинения он должен основывать лишь на достаточных доказательствах (ст. 171 УПК РФ).

В свою очередь, наделяя суд познавательной функцией, нельзя забывать о его обязанности исследовать все имеющиеся доказательства, давать им надлежащую оценку и лишь на их основании логически обосновывать и мотивировать любой приговор или иное решение (ч. 4 ст. 7, ч. 1 ст. 88 УПК РФ)².

Таким образом, для определения сущности доказывания в уголовном судопроизводстве необходим более компромиссный подход, предполагающий сочетание познавательных и аргументационных приемов в деятельности как суда, так и сторон. Бесспорно, что уголовно-процессуальное доказывание полностью не вписывается в более широкую категорию «познание», и, конечно, эти категории не тождественны. Вместе с тем доказывание нельзя полностью развести с познавательной деятельностью, т.е. лишить его гносеологического фундамента, на котором и строятся все доводы и аргументы как суда, так и сторон. Доказывание в уголовном судопроизводстве можно рассматривать как двухэтапный процесс, состоящий в процессуальном познании обстоятельств уголовного дела и в логическом обосновании данными обстоятельствами правоприменительных решений³. Следовательно, в части осуществления своего первого этапа доказывание действительно является разновидностью процессуального познания в целом и имеет с ним общую внутреннюю гносеологическую сущность, общие механизмы постижения человеком обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. С этих позиций уголовно-процессуальное познание всего лишь частный случай познания в целом; ему присущи все основные законы и закономерности познавательной деятельности. Законы эти, указывал А.И. Трусков, едины для всякого познания. Они действуют как при познании больших процессов и явлений (например, при установлении закономерностей природы, общества, человеческого мышления), так и при восстановлении картины единичных фактов, явлений, событий

² Проявление аргументационной (логической) функции суда в доказывании очень хорошо выражено в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 «О судебном приговоре» с последующими изменениями и дополнениями.

³ Близкая по смыслу позиция о двухэтапном характере доказывания ранее высказывалась А.А. Давлетовым. Вместе с тем автор считает доказывание лишь вторым этапом познавательной деятельности [20, с. 178]. Примерно такие же взгляды высказываются в некоторых современных работах по гражданскому процессу (например: [10, с. 15–18; 51, с. 344, 350]).

(например, факта преступления и виновности определенного лица). Без использования этих закономерностей не может протекать никакой процесс познания, не может быть установлена истина [56, с. 10].

Во многом эти закономерности обусловлены концептуальным философско-методологическим подходом к сущности познания. Причем в отечественной науке таковым традиционно являлся диалектический материализм (в советский период - марксистско-ленинская диалектика); на нем вплоть до настоящего времени зиждется вся национальная теория доказательств; на него опирались и продолжают опираться фундаментальные процессуальные и криминалистические исследования. Переориентирование методологии познания в сторону иных концептуальных подходов объективно потребует пересмотра большинства существующих научных положений и создания новых, альтернативных теорий. Готова ли юридическая наука к такому переосмыслению методологических основ? Данные вопросы представляются крайне сложными и неоднозначными, поскольку связь уголовно-процессуальной науки с современной философией существенно ослаблена. Многие разработки по вопросам познания философской науки XIX, XX, XXI вв. просто неизвестны или мало известны современным процессуалистам; их еще только предстоит освоить, осмыслить и соотнести с имеющимися процессуальными представлениями.

Безусловно, не следует забывать, что в советский период развития уголовно-процессуальной науки диалектический материализм расценивался не просто как основной методологический подход к сущности познания. В контексте проводимой советским государством радикальной политики воззрения и идеи этой философской школы приобрели официальный государственный статус и фактически превратились в неоспоримую научную догму. Иные мировоззренческие позиции изначально были обречены на провал. Мы полагаем, что современные подходы к сущности познания в уголовном судопроизводстве вынуждены будут пока носить в некотором роде компромиссный характер.

Диалектический материализм позволил сформировать некую упрощенную схему представлений о познании, которая и легла в основу теории уголовно-процессуального доказывания. В работах советских ученых унаследованы некоторые мировоззренческие идеи других философских школ и направлений, история которых насчитывает не одну сотню лет. Как отмечается в философской литературе, диалектико-материалистическое учение об истине является преемником классической концепции истины и вместе с тем представляет собой качественно новый этап в ее развитии. А истоки самой

классической концепции восходят к античной философии; первые попытки ее теоретического осмысления были предприняты еще Платоном и Аристотелем [60, с. 13, 35].

Поэтому мы пока не видим реальных возможностей для поиска принципиально иных, альтернативных концептуальных подходов к сущности уголовно-процессуального познания. Мы согласны с А.А. Давлетовым, считающим, что содержание процессуального познания не может быть выяснено без привлечения диалектической теории [20, с. 20]. Вместе с тем в современных условиях диалектико-материалистический подход не может расцениваться как неоспоримая научная догма. Полагаем, что существующие в теории уголовно-процессуального познания постулаты вполне могут получить новый виток своего развития в контексте восприятия отдельных положений и взглядов из области других, и в первую очередь современных, философских учений. Именно в таком направлении нам видятся дальнейшие шаги в этом сегменте процессуальной науки.

Диалектический материализм предполагает наличие одной весьма важной гносеологической закономерности - способности материи к отражению, которая, по мнению советских ученых, основывающихся на работах В.И. Ленина, «существует в фундаменте самого здания материи» [6, с. 118–19; 7, с. 8; 34, с. 15]. В ходе отражения осуществляется как бы «перевод» некоторого содержания (отражаемого) в такую форму, в которой это содержание становится внутренним достоянием отражающего. Тем самым вещи как бы оставляют свой след друг в друге, существуют не только «в себе», но и «в другом» [23, с. 25; 34, с. 27]. Некоторые представители марксистско-ленинской философии писали об отражении в широком смысле - как относящемся к любым проявлениям объективной действительности, и в узком смысле - как относящемся исключительно к человеческому сознанию. Причем узкий смысл отражения ими отождествлялся с познанием [39, с. 34; 49, с. 12–4].

Очевидно, что подобное свойство материи играет первостепенную роль и применительно к расследованию и судебному разбирательству уголовных дел. Его особая ценность обусловлена преимущественно ретроспективным характером процессуального познания. В этой связи советская юридическая наука просто изобиловала различными исследованиями, направленными на имплантацию указанных постулатов марксистско-ленинской философии в теорию уголовно-процессуального познания и доказывания. Причем дальше всех в этих вопросах, безусловно, продвинулись представители так называемой информационной теории доказательств, возникшей в 1960-е гг. на фоне развития кибернетики. Ими была выдвинута идея о доказательственной

информации как о сигнале, поступающем из объективной действительности в сознание субъекта доказывания и формирующем там некий «отпечаток» [2, с. 83–86; 5, с. 10–15; 6, с. 136–137; 54, с. 215–217]. Иными словами, ученые фактически приблизились к концепции познания (доказывания) обстоятельств уголовного дела на основе неких субъективных образов, запечатленных в сознании дознавателя, следователя, судьи. Однако эти научные идеи так и не получили своего дальнейшего развития, очевидно, из-за потенциальной опасности возникновения определенных противоречий с марксизмом-ленинизмом.

Ради справедливости следует обратить внимание, что советский диалектический материализм вовсе не отрицал наличия субъективных познавательных образов, а, напротив, утверждал об их существовании (например: [21, с. 87; 39, с. 34; и т.д.]). Упоминание образов встречается и в работах В.И. Ленина [33, с. 114]. Но вместе с тем отечественные философы относились к данной проблеме с большой осторожностью, не выходили за рамки «дозволенного». В противном случае существовала реальная «опасность» перехода на позиции идеализма, который подвергался резкой критике [13, с. 12].

В настоящее время более не существует никаких идеологических преград для рассмотрения уголовно-процессуального познания вне зависимости от постулатов марксизма-ленинизма. Поэтому, на наш взгляд, в современных условиях наибольшие научные усилия, связанные с развитием теории доказательств, необходимо направить именно на исследование вопросов познания обстоятельств уголовного дела на основании мысленных образов, т.е. попытаться сделать то, чего так не хватало советской процессуальной науке. Полагаем, что, методологически отталкиваясь от информационной концепции и дополнив ее современными представлениями о механизмах формирования мысленных образов в сознании познающих субъектов, можно будет по-новому взглянуть на достоинства и недостатки различных видов доказательств и, следовательно, наметить новые подходы к оценке их относимости, допустимости, достоверности и достаточности для разрешения уголовного дела.

Одним из базовых положений информационной теории доказательств является тезис о том, что субъект познания (дознаватель, следователь, суд) получает отраженную информацию от объекта посредством сигналов,

передающихся в определенной форме⁴. Таким образом, содержанием сигнала выступает сама информация, а его формой - способ передачи (например, изменение предмета, акустические колебания и т.д.). Механизмы психического отражения (восприятия, ощущения, представления) поступающих информационных сигналов и формирования на их основе определенных знаний об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу, носят субъективный характер [5, с. 13; 41, с. 297; 54, с. 216]. Но вместе с тем мы не можем согласиться с утверждением, что само психическое отражение имеет материальную сущность, поскольку связано с объективно существующей нервной системой и организмом человека.

Психологи XIX в., труды которых, очевидно, и повлияли на мировоззренческие взгляды В.И. Ленина, действительно представляли восприятие как пассивный отпечаток внешнего воздействия в коре головного мозга. Видимо, именно эти позиции и послужили основой для возникновения ленинской теории отражения, а позже фактически выступили в качестве методологической базы для советских исследований в области доказательственного права. Поэтому отечественные специалисты рассматривали субъекта познания как лицо, осуществляющее бесстрастное и механическое отражение (фотографирование, копирование в своем сознании) объекта познания (подробнее об этом см.: [17, с. 16; 18, с. 26]). Однако сегодняшняя наука подходит к данной проблеме с совершенно иных позиций. В частности, выдающийся отечественный психолог А.Р. Лурия писал, что современные ученые рассматривают восприятие как активный процесс поиска требуемой информации, выделения существенных признаков, сличения их между собой, создания адекватных гипотез и последующего сравнения этих гипотез с исходными данными [37, с. 232]. В основе восприятия, бесспорно, лежит декодирование поступающих в кору головного мозга нервных импульсов. Вместе с тем вплоть до настоящего времени специалистам не удалось детально изучить психофизиологическую природу декодирования; эти механизмы во многом остаются непонятными. Как происходит переход нервных импульсов в перцепты⁵ и какие причины обуславливают превращение допсихических сенсорных процессов в процессы восприятия? На этот вопрос можно ответить пока что лишь гипотетически, высказав соответствующие

⁴ В кибернетике под сигналом обычно понимается тот или иной физический процесс, несущий информацию о событии, явлении, объекте, т.е. как бы выступающий в роли модели этих события, явления или объекта (например: [29, с. 67–69; 44, с. 25–27]).

⁵ Перцептом в психологии называется то, что воспринято. Перцепт не следует путать с каким-либо физическим объектом или энергией, которая воздействует на рецептор. В конечном счете перцепт - феноменологическое или чувственное понятие; это результат процесса восприятия [64].

предположения [38, с. 431, 434]. Таким образом, на сегодняшний день в психологии не существует каких-либо убедительных позиций, выражающих материальную связь между объективно существующей сенсорной системой и возникающими в ходе восприятия перцептами. В этой связи Г.А. Зорин в своих работах выделяет целый спектр возможных ошибок следователя при приеме и декодировании информации [27, с. 33]. В данном случае скорее можно говорить не столько о материальности, сколько об относительной адекватности восприятия. Известный британский философ XX в. К.Р. Поппер писал, что люди редко ошибаются в своих восприятиях благодаря изоощренному аппарату декодирования с его многочисленными встроенными контрольными устройствами. Но это вовсе не означает, что результаты человеческого восприятия следует приравнять к каким-то стандартам надежности или истинности. Механизмы восприятия человеком окружающего мира, по мнению К.Р. Поппера, следует сравнивать с работой опытного фотографа, который редко ошибается в выборе выдержки благодаря тренировке и навыку. При этом его снимки вовсе не надо рассматривать как стандарты правильной выдержки [68, с. 69]. Полагаем, что одно только это обстоятельство уже вызывает серьезные сомнения по поводу материального (зеркального) характера восприятия и, следовательно, всего отражения субъектами уголовно-процессуального познания объективной реальности. Более того, несмотря на всю значимость восприятия, данный процесс позволяет сформировать в сознании человека лишь перцепты, выполняющие хотя и важную, но лишь промежуточную роль в познании окружающего мира. Перцепт еще не представляет собой полноценный мысленный образ какого-либо события или явления. Как отмечал американский психолог У. Найссер, образы не являются воспроизведениями или копиями ранее сформированных перцептов; образы - это не картинки в голове, а планы сбора информации из потенциально доступного окружения [67, с. 47]. В свою очередь, известный французский философ XX в. П. Рикер писал, что сознание - это то, что получает свой смысл только в последующих образах, т.е. некий новый образ, который может обнаружить смысл предшествующих образов задним числом [69, с. 177]. Поэтому современные ученые выделяют более сложную (высшую) форму познания - представление (гнозис), т.е. способность узнавать предметы по чувственным восприятиям. Гнозис позволяет сопоставить воспринятые перцепты с какими-то отдельными фрагментами, запечатленными в памяти субъекта, и тем самым сформировать полноценный мысленный образ определенного объекта познания. Принимая во внимание производность

представления (гнозиса) от функции восприятия, полагаем, что оно также никоим образом не может расцениваться как имеющее материальный характер. И, следовательно, его результаты - мысленные образы — нельзя рассматривать как зеркальные отражения реальных объектов познания. Скорее уместно предположение об их относительной адекватности по отношению к объективной действительности. В зависимости от модальности, т.е. от используемых рецепторов, выделяют различные виды представления (гнозиса): зрительное, слуховое, обонятельное, тактильное и др. При этом для современного человека наибольшую актуальность имеет зрительное и слуховое представление [14, с. 20]. Применительно к уголовно-процессуальному познанию приоритет зрения и слуха над познавательными свойствами других органов чувств прекрасно прослеживается в существующей системе доказательств.

На основании многолетних исследований в области психофизиологии и нейропсихологии ученые пришли к выводу о существовании серьезных различий в механизмах зрительного и слухового познания. Эти особенности обусловлены структурной и функциональной организацией коры головного мозга: зрительное восприятие зависит от одной части мозга, а слуховое - от другой [37, с. 29]. Очевидно, что свою основную роль зрительный гнозис выполняет при познании дознавателем, следователем, судом материальных фрагментов объективной реальности. В психологии по этому поводу существует специальный термин — «наглядно-образное мышление» [14, с. 32]. Несомненно, человек способен к чувственному познанию материальных объектов посредством иных форм представления, в частности слухового. В обыденной жизни подобных примеров не так уж и мало: бессознательный крик младенца, звук ружейного выстрела, шум летящего самолета и т.д. Однако на фоне зрительной информации их доля несоизмеримо мала. Если же взглянуть на рассматриваемую ситуацию в контексте уголовного судопроизводства, то становится очевидным: зрительный гнозис дознавателя, следователя и особенно судьи является практически единственным способом получения сведений от материальных объектов познания. А редкие случаи использования иных органов чувств (например, при осмотре места пожара, где присутствует резкий запах, или при проведении следственного эксперимента, направленного на установление возможности услышать звук выстрела на определенном расстоянии) - это те самые исключения, которые лишь подтверждают общее правило.

Познавательная деятельность, связанная с восприятием идеальных объектов, осуществляется посредством принципиально иных механизмов. В

данном случае субъекты познания взаимодействуют не с фрагментами объективной реальности, не с элементами вещной обстановки, а с информацией, извлекаемой или уже извлеченной из сознания других лиц. В уголовном процессе таковыми являются свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые, эксперты, специалисты, а также иные люди, не имеющие процессуального статуса, но сообщившие дознавателю, следователю или суду значимые для уголовного дела сведения, например автор приобщенного к материалам уголовного дела документа и т.д. В части судебного производства в качестве подобных «поставщиков сведений» можно рассматривать дознавателя и следователя - субъектов, представивших информацию о результатах досудебного производства в виде соответствующих протоколов следственных действий.

Каждый из этих лиц ранее также выступал субъектом познания, непосредственно или опосредованно взаимодействуя с обстоятельствами, подлежащими установлению по уголовному делу. Следовательно, сознание каждого такого человека предварительно подвергалось воздействию тех же самых психических процессов, которые нами были рассмотрены применительно к субъектам познания; любому из них присуща соответствующая форма представления (гнозиса). Поэтому их знания об окружающей реальности также нельзя считать имеющими объективный характер. Как и в случае с субъектами познания, здесь можно говорить лишь об относительной адекватности формируемого перцепта и соответствующих мысленных образов. Поэтому при взаимодействии дознавателя, следователя или судьи с идеальными объектами познания их собственный перцепт приобретает явно производный характер. В данном случае образуется как бы «перцепт в квадрате». Основанные на нем мысленные образы обладают уже вторичным субъективизмом, бесспорно влияющим на их относительную адекватность. Кстати, именно поэтому Н.И. Порубов, рассматривая проблемы допроса, совершенно справедливо указывал, что информация, поступающая к человеку из внешнего мира, отличается от той, которую он передает другому [45, с. 8]. Близкую позицию в своих работах высказывает и А.В. Победкин [42, с. 53].

Еще одной важной особенностью идеальных объектов познания является условно-знаковая форма их передачи. Люди не обладают способностью чтения мыслей и мысленных образов других людей, поэтому человеческое общение, определяемое обменом сведениями, происходит посредством специально выработанных интеллектуальных знаков (кодов). Такой способ передачи информации принято именовать вербальным (от лат. *verbalis* – словесный). В

процессуальных и криминалистических исследованиях, посвященных проблемам познания и доказывания, существует множество толкований термина «вербальный». Однако мы в данном случае придерживаемся наиболее широкого подхода, предполагающего всевозможные процессы оперирования различными словами, знаками, символами и другими интеллектуальными сигналами, содержащими человеческие мысли. Полагаем, что именно подобная позиция охватывает любые (а не только собственно словесные) механизмы восприятия дознавателем, следователем и судом идеальных объектов познания. Вербальные способы познания в уголовном судопроизводстве характеризуются разумным соотношением использования зрительных и слуховых форм представления, однако в любом случае формируемый посредством речевого и иного знакового восприятия перцепт сам по себе не связан с существованием наглядных образов. Для их создания требуется еще более сложный познавательный механизм - рациональное (вербально-логическое [14, с. 32]) мышление, предполагающее использование формально-логических категорий, таких как понятие, суждение, умозаключение. В этой связи нам бы не хотелось допускать серьезную ошибку, привязывающую подобную форму представления исключительно к вербальным способам познания идеальных объектов. Работа дознавателя, следователя, судьи с материальными объектами познания тоже предполагает использование понятий, суждений и умозаключений [8, с. 44]. Однако эти формально-логические категории начинают использоваться несколько позже, во время оперирования соответствующими доказательствами в целях получения промежуточных или окончательных выводов. Тогда как сам зрительный гнозис, само формирование образов материальных объектов осуществляется исключительно посредством чувственного (наглядно-образного) познания.

Раскрывая сущность вербального способа познания в уголовном судопроизводстве, следует обратить особое внимание на содержание протокола соответствующего следственного или судебного действия, например допроса или очной ставки. В этом документе фиксируются не результаты рационального мышления субъекта познания, не сформированные мысленные образы, а сведения, сообщенные свидетелем, обвиняемым и другими участниками в их практически первоизданном виде. Указанное требование прямо вытекает из положений закона, предписывающих обязанность записывать показания лица по возможности дословно (ч. 2 ст. 190 и п. 10 ч. 2 ст. 259 УПК РФ). В этой связи требует известных оговорок мнение Х.А. Сабирова, полагающего, что суд при исследовании протокола допроса имеет дело со сведениями, которые трансформируются дважды – через сознание

допрашиваемого и сознание следователя [50, с. 21]. Осуществляя познавательные приемы, основанные на использовании вербальных механизмов, дознаватель или следователь действительно формируют в своем сознании соответствующие мысленные образы, обусловленные закономерностями рационального мышления. Однако эти мысленные образы не подлежат фиксации в материалах уголовного дела. Если такое требование соблюдено, они не станут предметом последующего судебного разбирательства. Но если следователь излагает показания «своими словами», то искажения информации действительно нарастают. Полагаем, что законодатель, называя ст. 276 и 281 УПК РФ не оглашением протоколов допросов, а именно оглашением показаний, недостаточно учитывает возможность непредумышленного, бессознательного «редактирования» показаний во время их записи в протокол.

Совершенно иной нам представляется концепция познания обстоятельств уголовного дела, сопряженного с восприятием материальных объектов. Дознаватель, следователь или судья зрительно (в исключительных случаях - посредством иных органов чувств) воспринимают определенные фрагменты объективной действительности, элементы вещной обстановки, сведения о которых, поступая в кору головного мозга, образуют соответствующий образный перцепт. Далее на основании этого перцепта посредством зрительного (в исключительных случаях - иного) представления в их сознании формируются мысленные образы воспринятых материальных объектов познания. И лишь затем субъект познания посредством своего рационального мышления создает словесное (вербальное) описание сформированного мысленного образа, которое заносится в протокол следственного действия или судебного заседания, где, в отличие от вербальных способов познания, отражается уже не перцепт, а словесная форма выражения мысленных образов, созданных в сознании дознавателя, следователя или судьи. Именно эти образы, как писал В.Е. Шабалин, содержат материал, который фиксируется в протоколе [61, с. 9]. В этой связи мы снова вынуждены подвергнуть критике позицию Х.А. Сабирова, полагающего, что такие протоколы по сравнению с протоколами допросов или очных ставок содержат меньшее число посредствующих звеньев между познаваемым фактом и судом. Автор ошибочно считает, что, например, в ходе осмотра места происшествия непосредственно воспринятые следователем сведения подлежат закреплению в протоколе как бы в первоизданном виде, и поэтому второй акт передачи информации отсутствует [50, с. 21]. Представляется, что протоколы следственного осмотра, освидетельствования, обыска, выемки и подобных следственных действий

формируются именно в процессе двухэтапного отражения сведений, имеющих значение для уголовного дела⁶. Второй этап такого отражения как раз обусловлен прохождением соответствующей информации через мысленный образ субъекта процессуального познания.

Этот механизм установления обстоятельств уголовного дела не предполагает использования интеллектуальных функций передачи и восприятия информационных сигналов. Поступающие сведения имеют преимущественно наглядно-образное содержание (в редких случаях выражены в виде иных образов - акустических, тактильных, запаховых и пр.). Иными словами, в основе данного способа познания лежат не вербальные, а принципиально иные сигналы, имеющие материально фиксированный характер и обусловленные физическими свойствами окружающего мира.

Рассматриваемый способ уголовно-процессуального познания мы называем «невербальным». Однако при этом следует обратить внимание, что в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе такой термин используется уже достаточно активно. Причем различные ученые вкладывают в него совершенно разный смысл [9, с. 21; 12, с. 358; 40, с. 227; 43, с. 46–7; 52, с. 27; 62, с. 15, 107]. Вместе с тем наиболее разумными нам представляются позиции тех ученых, которые рассматривают его в широком смысле, т.е. отождествляют понятие «невербальности» с любыми познавательными приемами, основанными на личном восприятии дознавателем, следователем или судом материальных обстоятельств объективной реальности: следственного осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, следственного эксперимента и т.д. [25, с. 12; 63, с. 260]. Таким образом, под «невербальным» способом процессуального познания мы понимаем систему гносеологических и психофизиологических закономерностей чувственного (наглядно-образного) восприятия дознавателем, следователем или судом обстоятельств объективной реальности и формирования на этой основе соответствующего доказательственного представления (гнозиса), т.е. мысленных образов, отражающих обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу. Вместе с тем очевидно, что с учетом многообразия толкований невербальности в контексте процессуального познания использование данной терминологии в предложенном нами широком значении является несколько условным и не может претендовать на абсолютную непогрешимость. В этой связи термин «невербальный» мы преднамеренно берем в кавычки.

⁶ Близкая по смыслу позиция высказывается в диссертации И.В. Ананенко, который совершенно справедливо называет отражение обстоятельств уголовного дела в соответствующих протоколах вторичным [1, с. 13].

Итак, механизмы вербального и «невербального» познания - это принципиально разные способы установления дознавателем, следователем, судом обстоятельств уголовного дела. Причем они отличаются друг от друга не только характером поступающей информации, особенностями ее восприятия и осмысления. Их различия также обусловлены биологическими и нейропсихологическими закономерностями работы человеческого мозга. Как отмечал американский психофизиолог Д. Хэссет, между двумя половинами мозга имеются биологические различия, с которыми, по-видимому, связаны разные типы мышления [65, с. 116]. Результаты многолетних научных опытов и испытаний, проводившихся отечественными и зарубежными учеными на протяжении XX в., показали, что при переходе человека от «невербальных» заданий к вербальным происходит уменьшение правополушарного доминирования реакции активности или смена правополушарного доминирования на левополушарное [59, с. 81-83]. Однако самые последние исследования вопросов межполушарной асимметрии несколько пошатнули концепцию абсолютного разделения вербальных и «невербальных» функций соответственно в левом и правом полушариях мозга. На смену пришли новые научные представления, согласно которым левое полушарие относительно доминирует в ходе вербальных психических процессов, а правое — при «невербальных». Причем у левшей относительное доминирование полушарий мозга организовано с точностью до наоборот [59, с. 85]. Очевидно, что подобная биологическая дифференциация механизмов вербального и «невербального» познания оказывает достаточное влияние на существующие различия между формируемыми мысленными образами. Как уже отмечалось выше, современная наука еще не смогла выработать каких-либо аргументированных позиций, определяющих устойчивую связь между объективно существующей сенсорной системой и возникающими в ходе познания перцептами и мысленными образами. Поэтому в настоящее время научное обоснование четких критериев различия вербального и «невербального» познания не представляется возможным. Вместе с тем на сегодняшний день сам факт существования подобных различий вполне подтверждается индуктивным путем с помощью накопленного эмпирического материала. По этому поводу французский философ-экзистенциалист, специалист в области феноменологии М. Мерло-Понти приводил ряд интересных примеров со слепыми и зрячими людьми, с немыми и озвученными кинофильмами и т.д. [66, р. 301]. Полагаем, что все сказанное в полной мере относится и к уголовному судопроизводству. Очевидно, что мысленные образы дознавателя, следователя, судьи, формируемые посредством вербальных

способов процессуального познания, так же отличаются от результатов наглядно-образного восприятия, как представления о мире слепого и зрячего человека. Слова и другие вербальные средства общения передают образ объективной действительности в том ракурсе, в котором она представлена в сознании свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, эксперта и других лиц, и с учетом того смысла, который вкладывает в содержание этих слов сам субъект познания. «Невербальные» средства связаны с ощущением и восприятием фрагментов объективной реальности в первоизданном виде, но с учетом еще малоизученных наукой связей между сенсорной системой и процессами формирования мысленных образов. Каждый из этих способов познания имеет большое значение для установления обстоятельств, входящих в предмет уголовно-процессуального познания (доказывания). И вместе с тем у каждого из них есть своя «ахиллесова пята»⁷.

В завершение следует отметить, что в настоящей статье мы попытались наметить лишь определенные тенденции развития теории уголовно-процессуального познания в современных условиях, которые в дальнейшем, несомненно, могут выступить методологической основой для исследования сущности и специфики отдельных видов доказательств.

Bibliography

1. Ананенко И.В. Допустимость протоколов следственных действий: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Краснодар. акад. МВД России, 2005. 25 с.
2. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств / В.Д. Арсеньев. М. : Юрид. лит., 1964. 179 с.
3. Астафьев Ю.В. Доказывание и оперативно-розыскная деятельность: проблемы соотношения и взаимодействия / Ю.В. Астафьев, Н.В. Изотова. Курск : ФГУИПП, 2002. 256 с.
4. Афанасьева О.В. Логика: учеб. пособие. М., Проспект, 2008. 271 с.
5. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2004. 298 с.
6. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. / Р.С. Белкин. М.: Юрист, 1997. Т. 1. 408 с.

⁷ Подробнее о преимуществах и недостатках вербального и «невербального» способов уголовно-процессуального познания мы говорили в наших более ранних работах, посвященных данной проблематике [47; 48, с. 43-71].

7. Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М.: ВШ МВД СССР, 1970. 130 с.
8. Белкин Р.С. Тактика следственных действий. М.: Новый Юрист, 1997. 176 с.
9. Следственные действия. Криминалистические рекомендации. Типовые образцы документов/ под ред. В.А. Образцова. М.: Юрист, 1999. 501 с.
10. Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. М.: Проспект, 2013. 616 с.
11. Боруленков Ю.П. Юридическое познание. М.: Юрлитинформ, 2014. 392 с.
12. Васильев В.Л. Юридическая психология: учебник. М.: Юрид. лит., 1991. 462 с.
13. Вахтомин Н.К. О роли категорий «сущность» и «явление» в познании. М.: АН СССР, 1963. 184 с.
14. Визель Т.Г. Основы нейропсихологии : учебник для студентов вузов. М.: В. Секачев, 2013. 264 с.
15. Володина Л.М. Предмет познания и предмет доказывания по уголовному делу // Библиотека криминалиста. 2012. № 3 (4). с. 184-189.
16. Воскобитова Л.А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства. Дис... докт. юрид. наук. М.: МГЮА, 2004. 460 с.
17. Воскобитова Л.А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5). с. 56-64.
18. Воскобитова Л.А. Философские аспекты проблем познания в уголовном судопроизводстве //Философские науки. 2013. № 12. с. 21-31.
19. Гражданский процесс России: учебник / под ред. М.А. Викут. М.: Юрист, 2004. 480 с.
20. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург: Гуманитар. ун-т, 1997. 191 с.
21. Дейнеко Н.И. Объективное и субъективное в процессе отражения (философский аспект). Киев; Одесса : Вища шк., 1978. 167 с.
22. Джатиев В.С. Доказывание и оценка обстоятельств преступления / отв. ред. Н.С. Алексеев. Ростов н/Д : Рост. гос. ун-т, 1991. 152 с.
23. Диалектика процесса познания / под ред. М.Н. Алексеева, А.М. Коршунова. М.: Моск. ун-т, 1985. 367 с.
24. Домбровский Р.Г. Познание и доказывание в расследовании преступлений. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Киев. Киев. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 1990. 43 с.

25. Еникеев М.И. Следственные действия: (психология, тактика, технология): учеб. пособие / М.И. Еникеев, В.А. Образцов, В.Е. Эминов. М.: Проспект, 2007. 216 с.
26. Зеликсон Э.С. Доказывание как деятельность субъектов уголовного судопроизводства. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Алма-Ата : Казах. гос. ун-т им. С.М. Кирова, 1973. 25 с.
27. Зорин Г.А. Тактический потенциал следственного действия. Минск: Белорус. гос. ун-т им. В.И. Ленина, 1989. 80 с.
28. Костенко Р.В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар: Кубан. гос. аграр. ун-т, 2006. 35 с.
29. Куликовский Л.Ф. Теоретические основы информационных процессов / Л.Ф. Куликовский, В.В. Молотов. М.: Высш. шк., 1987. 248 с.
30. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М.: Юрид. лит., 1989. 640 с.
31. Лазарева В.А. Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголовное право. 2007. № 3. с. 98-102.
32. Леви А.А. Избранные научные труды. М.: РУДН, 2012. 647 с.
33. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин. М.: Политиздат, 1968. Т. 18: Материализм и эмпириокритицизм. 526 с.
34. Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики / гл. ред. Т. Павлов. София: Наука и искусство, 1981. Т. 1. 688 с.
35. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. М.: Юрид. лит., 1973. 216 с.
36. Лупинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе: учеб. пособие. М.: ВЮЗИ, 1966. 102 с.
37. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии : учеб. пособие для студентов вузов. 6-е изд. М.: Академия, 2008. 384 с.
38. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2001. 592 с.
39. Нарский И.С. Актуальные проблемы марксистско-ленинской теории познания. М.: Знание, 1966. 48 с.
40. Насонов С.А. Криминалистическое наблюдение как метод собирания ориентирующей информации по уголовным делам / С.А. Насонов, В.А. Образцов, Т.Ю. Рзаев // Труды Московской государственной юридической академии. 1997. № 2. с. 227–243.
41. Писарев Е.В. Информационное содержание процесса доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвуз. сб.

науч. тр. / под ред. В.А. Лазаревой. Самара: Самар. гос. ун-т, 2010. Вып. 5. с. 295-299.

42. Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании. Дис. ... докт. юрид. наук. М.: МосУ МВД России, 2005. 464 с.

43. Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика: учеб. пособие. М.: Моск. ун-т, 1982. 208 с.

44. Полетаев И.А. Сигнал. М. : Сов. радио, 1958. 404 с.

45. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном процессе. Минск: Вышэйш. шк., 1968. 276 с.

46. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М. : Госюриздат, 1961. 277 с.

47. Россинский С.Б. К вопросу о развитии теории доказательств в уголовном процессе // Российский криминологический взгляд. 2013. № 3. с. 354-365.

48. Россинский С.Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2015. 224 с.

49. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: АН СССР, 1957. 328 с.

50. Сабиров Х.А. Протоколы следственных и судебных действий как вид доказательств в российском уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубан. гос. аграр. ун-т, 2000. 182 с.

51. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса: Теоретические начала и основные институты. М.: Волтерс Клувер, 2008. 696 с.

52. Семенов В.В. Процессуальные и криминалистические проблемы использования невербальной информации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: СЮИ МВД России, 2003. 240 с.

53. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. 470 с.

54. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. 736 с.

55. Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: Городец, 1997. 320 с.

56. Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств. М.: Госюриздат, 1960. 176 с.

57. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд. Казань: Казан. гос. ун-т, 1976. 206 с.

58. Хмыров А.А. Проблемы теории доказывания: учеб. пособие. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1996. 180 с.

59. Хомская Е.Д. Нейропсихология : учебник для вузов. 4-е изд. СПб.: Питер, 2013. 496 с.
60. Чудинов Э.М. Природа научной истины. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 314 с.
61. Шабалин В.Е. Документальная фиксация доказательств (криминалистический и процессуальный аспекты). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1975. 25 с.
62. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М. : Юрлитинформ, 2001. 208 с.
63. Шурухнов Н.Г. Классификация следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвуз. сб.науч. тр. / под ред. В.А. Лазаревой. Самара: Самар. гос. ун-т, 2010. Вып. 5. с. 258-264.
64. Электронная психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mirslivarej.com/content_psy/percept-27454.html#ixzz2aRt2blRy.
65. Hassett J. A Primer of Psychophysiology Ames / J. Hassett. San Francisco : W.N. Freeman and Company, 1978. 248 p.
66. Merleau-Ponty M. Phenomenologie De La Perception / M. Merleau-Ponty. P. : Gallimard, 1945. 602 p.
67. Neisser U. Cognition and Reality: Principles and Implications of Cognitive Psychology / U. Neisser. San Francisco: W.H. Freeman, 1976. 232 p.
68. Popper K.R. Objective Knowledge: An Evolutionary Approach / K.R. Popper. Oxford: Clarendon Press, 1979. 384 p.
69. Ricoeur P. Le Conflit Des Interpretations. Essais D'hermeneutique / P. Ricoeur. P.: Gallimard, 1969. 697 p.